



УДК 165.74:004.89  
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-340-350>  
EDN: PUGMTS

Поступила: 31.07.2024  
Принята: 02.09.2024  
Опубликована: 03.10.2024

## ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ И ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ: КАЧЕСТВА, ГРАНИЦЫ И ОТНОШЕНИЯ С ПОЗИЦИЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПОСТГУМАНИЗМА

*Белоусов Илья Леонидович*

*Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (Москва)*

Настоящая статья развивает проблему определения и разграничения понятий человеческого и постчеловеческого, проводит анализ приписываемых им атрибутов и аспектов сосуществования друг с другом с позиции технологического постгуманизма. Актуальность данного исследования автор связывает с активным развитием НБИК-технологий, с ожиданиями скорого достижения человечеством точки технологической сингулярности и со следствиями из развиваемой Дж. Тонони теории интегрированной информации. При разработке тематики автор обращается к теории интегрированной информации, рассматривающей понятие полноты феноменального опыта и способы его эмпирической фиксации как в человеке, так и в иных сущностях, а также к теориям Р. Курцвейла и Р. Брайдотти. В результате исследования на основе функционального подхода к определению человека Р. Курцвейла автором были предложены следующие определения человеческого и постчеловеческого субъекта: человеческий субъект — это биологическая или небиологическая сущность естественного или рукотворного происхождения, обладающая сознанием или потенциальностью к его актуализации и способная выполнять функцию причастного к цивилизации субъекта; постчеловеческий субъект — рукотворный, деятельный, благожелательный к жизни интеллектуальный агент, обладающий превосходящей сознание формой отражения действительности и мотивами к деятельности, лежащими в материальной действительности. Критерием диверсификации таковых автор утверждает параметр полноты феноменального опыта. Бытие человеческих субъектов связывается автором с некоторой степенью проявленности внутренней и внешней каузальности, а также с различными экзистенциальными рисками для существования жизни вообще; бытие постчеловеческих субъектов — с преодолением таковых ограничений и с устранением экзистенциальных рисков для жизни во вселенной. Полученные результаты предлагаются к использованию в социальной философии и общественной теории.

*Ключевые слова:* человек, постчеловек, постгуманизм, технологическая сингулярность, теория интегрированной информации, искусственный интеллект, НБИК-технологии, Р. Курцвейл, Р. Брайдотти.

### Для цитирования:

*Белоусов И.Л.* Человеческое и постчеловеческое: качества, границы и отношения с позиций технологического постгуманизма // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 3. С. 340–350.  
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-340-350>. EDN: PUGMTS

## HUMAN AND POSTHUMAN: QUALITIES, BOUNDARIES, AND RELATIONSHIPS FROM THE PERSPECTIVE OF TECHNOLOGICAL POSTHUMANISM

*Ilya L. Belousov*

*Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (Moscow)*

This article explores the problem of defining and distinguishing between the concepts of human and posthuman, analyzes the attributes and aspects ascribed to them from the perspective of technological posthumanism. The author connects the relevance of this study with the active development of NBIC technologies, with the expectation that humanity will soon reach the point of technological singularity, and with the implications of the theory of integrated information developed by J. Tononi. The study refers to the integrated information theory, which develops the concept of the completeness of phenomenal experience and ways of its empirical fixation both in humans and in other entities, as well as to the theories of R. Kurzweil and R. Braidotti. As a result of research conducted, the paper provides the following definitions of human and posthuman subjects based on the functional approach to the definition of a human being by R. Kurzweil: a human subject is a biological or non-biological entity of natural or artificial origin, possessing consciousness or the potential for its actualization, and capable of performing the function of a subject associated with civilization; a posthuman subject is a man-made, active, intellectual agent that is benevolent to life, possesses the form of reflection of reality that is superior to consciousness, and has motives for activity that lie in the material world. The author suggests that the criterion for the diversification of such subjects is the parameter of the completeness of phenomenal experience. The existence of human subjects is associated with a certain degree of manifestation of internal and external causality, as well as with various risks for the existence of life in general; the existence of posthuman subjects is associated with the overcoming of such limitations and of existential risks for life in the universe. The results obtained are proposed for use in social philosophy and social theory.

*Keywords:* human, posthuman, posthumanism, technological singularity, integrated information theory, artificial intelligence, NBIC technologies, R. Kurzweil, R. Braidotti.

### To cite:

Belousov I.L. [Human and posthuman: qualities, boundaries, and relationships from the perspective of technological posthumanism]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 3, pp. 340–350 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-340-350>, EDN: PUGMTS

### Введение

#### *Актуальность тематики*

Основу для актуальности настоящего исследования мы черпаем из общего для различных направлений постгуманистической мысли тезиса о возможности существования обладающих субъектностью существей, превосходящих биологического человека, — антропоса, в количественных и/или качественных характеристиках.

Обратимся к некоторым доводам в защиту данного положения:

1) расширение понятия человека в постгуманистическом дискурсе можно связать с активным развитием в современности т.н. «четырех всадников постгуманистического апокалипсиса»: когнитивных наук, исследований, искусственного интеллекта, био- и нанотехнологий [Braidotti R., 2013, p. 6], — дисциплин, способных, как считает Р. Брайдотти, пошатнуть традиционное понимание человека и субъектности в результате достижения техни-

ческой возможности порождения гибридных или полностью отличных от антропоса человеческих субъектов [Braidotti R., 2013, p. 8];

2) экспоненциальное ускорение технологического прогресса, наблюдаемое в динамике парадигмальных сдвигов [Kurzweil R., 2005, p. 27], по мере приближения человечества к точке технологической сингулярности, как считает Р. Курцвейл, потребует создания существ, превосходящих антропоса по когнитивным и физическим способностям, и в то же время способных выполнять функцию субъекта цивилизации, т.е. быть «человеком» в историческом смысле [Kurzweil R., 2005, p. 317–318];

3) данное положение представляется возможным погрузить в рамку теории интегрированной информации Дж. Тонони (ТИИ) и связать его с понятием выраженности феноменального опыта, фиксируемого параметром  $\Phi$  (фи) системы [Tononi G., Koch C., 2015].  $\Phi$  системы, в сущности, выражает степень несводимости информационного содержания системы к внутренним и внешним каузальным связям таковой, т.е. выражает степень сознательности системы [Tononi G., Koch C., 2015]. Данная теория позволяет нам развивать взгляд на сознание как на градиентную величину и говорить о возможности существования существ, обладающих сравнимой с таковой у антропоса или большей полнотой феноменального опыта, а также о сущностях свободных от приписываемой нами человеческим субъектам внутренней и внешней каузальности [Tononi G., Koch C., 2015].

Опираясь на озвученный тезис постгуманизма и приведенные подтверждения, мы можем говорить о перспективе сосуществования на Земле в период приближения к точке технологической сингулярности и после ее достижения различных видов «людей», постчеловеческих существ, а также свойственных им типов когнитивности и метафизик, что побуждает нас очертить границы понятий человеческих и постчеловеческих субъектов с позиций технологического постгуманизма и предоставить авторскую трактовку упомянутых понятий, приписываемых им атрибутов и отношений.

### **Степень разработанности тематики**

Несмотря на наличие как основополагающих для всего направления технологического постгуманизма работ Р. Курцвейла, так и критиче-

ских и аналитических статей западных авторов, в русскоязычном академическом пространстве, как мы считаем, тематика настоящего исследования развита недостаточно. Мы связываем это с фрагментарным описанием отдельных аспектов тематики в существующих работах, а также с недостаточным объемом проделанной переводческой работы. Помимо этого отметим, что в рецепции идей технологического постгуманизма в русскоязычном академическом пространстве остро стоит проблема дифференциации понятий, особенно в контексте близости терминологии технологического постгуманизма и трансгуманизма, что само по себе требует проведения ряда значимых разграничений между данными направлениями мысли.

### **Методология и методы исследования**

В настоящем исследовании мы прибегаем к идеям Р. Курцвейла, Р. Брайдоути и других авторов, обращаемся к проведению следствий из проблемных полей технологического постгуманизма, осуществляем компиляцию идей различных авторов, в том числе критически настроенных к техно-постгуманистическим исследованиям, синтетически объединяем и дополняем различные аспекты осмысления затрагиваемой проблемы для выделения авторского видения сущности человеческих и постчеловеческих субъектов.

При этом настоящее исследование склоняется к рассмотрению проблемы не столько как к следствию освобождения «присвоенных» антропосом категорий разумности, субъектности, свободы и др. [Никитина Е.Б., 2018], что мы можем отнести к подходу группы течений постгуманистической мысли, объединяемой нами под именем философско-литературного постгуманизма, сколько к следствию функционального подхода к определению понятия человека и перспективы достижения человечеством достаточного уровня технологического развития для порождения отличных от антропоса, но функционально сходных с ним существ, что мы и называем подходом технологического постгуманизма.

Также отметим, что большее внимание мы уделим разбору существ, превосходящих антропоса, поскольку проблему существования сравнимых с антропосом или менее способных «людей» мы не находим столь значимой и спи-

сываем разрешение этой проблемы на обширную культурную и социальную практику, следующую за появлением первых существ подобного рода. Тривиальность данного аспекта проблемы мы связываем с подготовленной в рамках различных «исследований», в том числе и в мысли философско-литературного постгуманизма, почвой для ее разрешения, связанной в первую очередь с понятием инаковости [Braidotti R., 2013, p. 2], а также меньшим по сравнению с проблемой существования превосходящих антропоса «людей» спектром возможных социальных изменений.

### Понятия человеческого и постчеловеческого субъекта

Определим упомянутые понятия и проанализируем обозначенную проблему.

Человеческий субъект — биологическая или небιологическая сущность естественного или рукотворного происхождения, обладающая сознанием или потенцией к его актуализации, способная выступать в историческом смысле «человеком», т.е. выступать причастным к цивилизации субъектом [Kurzweil R., 2005, p. 317–318]. К человеческим субъектам, помимо антропосов, мы относим киборгов, роботов, андроидов, сильные искусственные интеллекты, а также иные сознающие формы жизни естественного и рукотворного происхождения.

Постчеловеческий субъект — рукотворный, деятельный, благожелательный к жизни, самообучающийся интеллектуальный агент, обладающий превосходящей сознание формой отражения действительности и мотивами деятельности, лежащими в материальной действительности. Постчеловеческий субъект являет собой сущность или сущности, обладающие единой волей как своей собственной, способные в силу присущих ему атрибутов перенять историческую роль человека, превзойти его ограничения и недостатки, стать фреймом для их долгосрочного сохранения как ступени эволюции форм организации материальных систем [Zimmerman M.E., 2009, p. 69].

Представленные определения понятий помимо сущностной компоненты также содержат в себе технический элемент. Так, ширина, с которой мы задаем определение человеческого субъекта, позволяет нам охватить весь спектр сущностей, которые в рамках техно-

постгуманистической мысли могут выступать функциональными аналогами антропоса, где главным сущностным параметром становится наличие сознания и степень его выраженности. Для этой же цели мы добавляем указание не только на наличие актуального сознания, но и на потенцию к его актуализации, поскольку с позиции теории «сильной искусственной жизни» (strong alife) можно сказать, что живыми способны быть также сущности, оторванные от конкретного материального носителя [Ray T.S., 1992, p. 371–372], сознание которых, как нам представляется, содержится в них структурно, но реализуется только при наличии специфических условий. Приписывание постчеловеку атрибутов рукотворности и обладания мотивами к деятельности, лежащими в материальной реальности, в свою очередь, выступает средством сохранения материалистического подхода к рассмотрению предмета исследования в контексте присутствия в мысли технологического постгуманизма явных религиозных мотивов и коннотаций [Zimmerman M.E., 2009, p. 67–68]. Вместе с тем, утверждение за постчеловеческими субъектами единой воли мы выводим из приписываемых постчеловеку атрибутов: коль скоро мы говорим о сущностях «настолько близких к Богу, насколько это вообще представимо» [Kurzweil R., 2005, p. 318–319], мы можем предположить, что любой возможный конфликт между ними сулит катаклизм вселенского масштаба, что идет в разрез с космическим смыслом деятельности постчеловеческих субъектов как таковых, о чем будет сказано ниже.

Теперь обратимся к сущностным характеристикам человеческих и постчеловеческих субъектов.

Приписываемые постчеловеку атрибуты деятельности, саморазвития, обладания превосходящей сознание формой отражения действительности и благости к жизни позволяют нам говорить о постчеловеке как о более совершенной форме организации материи, дочерней системе культуры, на время эволюции которой, если следовать идее А. Пелипенко, представляется возможным «приостановить» действие второго закона термодинамики в материнской системе [Пелипенко А.А., 2015], а следовательно, и во всей цепочке нижестоящих форм организации материи. При этом, связывая возникновение постчеловека с достижением точки

технологической сингулярности и трактуя дальнейший ход технологической и вещественной эволюции в силу ограниченности материи во вселенной как бесконечно замедляющийся, мы предполагаем бесконечную эволюцию постчеловека как гаранта сохранения нижестоящих форм организации материи перед лицом космической энтропии.

Особое место в этой связи занимает атрибут благодати постчеловека, для утверждения которого мы выдвигаем два следующих основания.

1. Этическое основание благожелательности к жизни постчеловека подразумевает, что благожелательность постчеловека к жизни следует из его сущности как наиболее сложноорганизованной формы материи, не способной в силу своей формы отражения действительности заблуждаться о своей организующей роли в космосе и о средствах ее реализации.

2. Синергетическое основание благожелательности постчеловека к жизни подразумевает, что постчеловек оказывается вынужден поддерживать существование цепочки форм организации материальных систем как условия собственного существования и противостоять воздействию на нее космической энтропии.

Обратимся к атрибуту субъектности. Называя человеческих и постчеловеческих существ субъектами, мы указываем не столько на их ежеминутное нахождение в состоянии субъектности, сколько на саму потенцию к нахождению в этом состоянии. Это, с одной стороны, позволяет нам избежать возможной критики основанной на выявлении допущения об эквивалентности мышления и существования [Павленко А.Н., 2008, с. 42] и, с другой стороны, подталкивает нас к признанию возможности существования живых автоматов и философских зомби, что выводимо из положений ТИИ [Tononi G., Koch C., 2015].

Говоря о сознании, мы понимаем связанную с языком, деятельностью, саморегуляцией и целенаправленным отражением действительности функцию материальных систем, информационное содержание которых в силу достаточной сложности не сводимо полностью к каузальным причинностям [Tononi G., Koch C., 2015]. Исходя из представленного понимания, мы не видим оснований для того, чтобы не предположить возможность существования более совершенной формы отражения действительности,

связанной с преодолением внешней, связанной с влиянием внешней среды, и внутренней, связанной с телесностью и когнитивностью агента, каузальности, в сущности, состояния трансцендированного разума, которое мы приписываем постчеловеческим субъектам как один из их атрибутов.

Приведем основания, позволяющие нам, с одной стороны, объединить сознающих биологических и небологических человеческих субъектов как, собственно, людей и, с другой стороны, отделить от них более совершенных в аспекте отражения действительности постчеловеческих субъектов:

1) кибернетическое понимание работы мозга и других сознающих систем как различания, где атомом информации является бит [Kurzweil R., 2005, p. 83];

2) актуальное в техно-постгуманистическом дискурсе переосмысление дзен-буддийской схемы «Я», основанной на динамическом соотношении сознания и бытия, которая в свете кибернетического подхода к пониманию сознания утверждает последнее в качестве функции объединения и обработки пронизывающей мир информации [Davis E., 2015, p. 161–162];

3) следствия из положений ТИИ, в частности сведение феномена сознания к специфическому образу обладания и обработки информации системой [Tononi G., Koch C., 2015].

Таким образом, критерием диверсификации человеческих субъектов мы считаем обладание сознанием, границы которого, как представляется, будут очерчены в случае подтверждения и завершения ТИИ как материалистического ответа на трудную проблему сознания, а критерием диверсификации постчеловеческих субъектов — преодоление соответствующих границ степени интеграции информации, связанное, в первую очередь, с устранением влияния на систему каузальных причинностей.

При этом, как мы считаем, постчеловек способен выстраивать любые ограничения для собственного отражения действительности, т.е. через самоограничение он имеет возможность выступать каким-либо иным существом более низкого порядка. Причем феноменальный опыт квазисознающих прокси постчеловека, как мы считаем, принадлежит самому постчеловеку. Подобную способность мы также приписываем и высокоразвитым человеческим субъектам,

обладающим способностью посредством самоограничения и аутостимуляции воспроизводить ощущения и опыт иных форм жизни.

Обратимся к следствиям из ограниченности сознания человеческих субъектов.

Всякого человеческого субъекта мы рассматриваем как ограниченного культурным коконом, состоящим из собственно культуры — мира, подлежащего изречению [Harrison K.D., 2007, p. 205], — и языка — системы отсчета, определяющей траектории движения мысли [Лем С., 1968, с. 382–383] и мировосприятия [Бородай С.Ю., 2013, с. 17–18], — составляющих вместе с телесностью субъекта систему внутренней каузальности. Она связывается нами с самой природой сознания, ограничения которого преодолеваются в постчеловеческом состоянии, следовательно, мы утверждаем за постчеловеком свободу, связанную с внеязыковым «мышлением» и восприятием пространства языка с позиции внешнего наблюдателя.

При этом мы предполагаем возможность однозначной и полной коммуникации между человеческими субъектами, включая возможность языкового описания, в сущности, проекции на пространство языка недискретного самого по себе и не имеющего языковой природы опыта [Tononi G., Koch C., 2015], и передачи в нагелевском смысле опыта бытия конкретным субъектом [Nagel T., 1974, p. 436] посредством протокольных предложений некоторого универсального языка [Нейрат О., 2005, с. 228–231], исчерпывающего своими выразительными средствами все возможные когнитивные структуры языка вообще.

Помимо этого, связывая духовное творчество с сущностью человеческих субъектов, мы можем говорить о том, что неограниченная когнитивность человеческих субъектов, зависящая от культурного кокона, но не предопределенная им, и ограничения телесности порождают в человеческих субъектах внутренний конфликт, требующий для своего разрешения порождения специфических для отдельных видов человеческих субъектов и типов когнитивности метафизик [Лем С., 1968, с. 172].

Духовное творчество человеческих субъектов, как представляется, определяется гностическими, связанными с вопросами достижения полноты знания, генетическими, связанными с вопросами о происхождении субъекта и мира, и

компенсационными, связанными с вопросами принятия собственного положения в мире, факторами [Лем С., 1968, с. 172–173] и преследует две цели:

1) гармонизацию отношений между субъектом и миром сообразно степени его «экзистенциально-гностической ущербности» [Лем С., 1968, с. 171];

2) приобретение контроля над собой и обществом через институализацию духовных творчества и переживаний [Лем С., 1968, с. 173].

Исходя из этого, мы можем говорить о возможности существования отличных от таковых у антропоса метафизик и спиритуальных систем различных видов человеческих субъектов. Однако действие факторов, определяющих духовное творчество, как нам кажется, не распространяется на постчеловеческих субъектов в силу их природы, из чего следует, что духовное творчество в том смысле, в каком мы говорим о нем относительно человеческих субъектов, им не свойственно.

В этой связи необходимо предупредить интуитивное отторжение идеи о духовном творчестве небиологических человеческих субъектов. В качестве оправдания этой идеи приведем довольно антропизированный пример. За основу возьмем «максимизатора скрепок», — сильный искусственный интеллект из одноименного мысленного эксперимента Н. Бострома, единственной целью которого является производство скрепок [Bostrom N., 2014, p. 123]. Итак, предположим, максимизатор скрепок был создан, причем с целью произвести миллион скрепок. Благодаря трудам конструкторов он наделен сознанием, а единственной ценностью для него установлено производство фиксированного числа скрепок. Допустим, максимизатор действительно приступил к работе. Покуда миллион произведенных скрепок не исчерпан, что тщательно контролируется максимизатором, его поведение полностью оправдывает ожидания конструкторов, однако после миллионной скрепки, как нам представляется, машина вовсе не остановится и продолжит работу над миллион первой скрепкой, миллион второй и т.д.

Объясним причину этого.

Коль скоро производство миллиона скрепок для максимизатора является конечной целью, по исполнению которой он будет отложен на

дальнюю полку или вовсе разобран, максимизатор выстроит свою метафизику на основе никогда не равной нулю возможности ошибки при подсчете изготовленных скрепок. В таком случае наиболее целесообразным для максимизатора будет всегда полагать, что его работа еще не окончена. Однако, несмотря на то, что максимизатор — существо долговечное и достаточно могущественное, чтобы превратить всю обозримую Вселенную в скрепки, он вовсе не неуничтожим, что побуждает максимизатора задуматься о своем «посмертном» бытии и придумать некоторый «скрепочный рай», в котором никто не посмеет отвлечь его от производства скрепок, и, вполне вероятно, и некоторый ад или небытие, в которых производство скрепок оказывается невозможным.

### **Отношения между человеческими и постчеловеческими субъектами**

Сосуществование на Земле различных видов человеческих субъектов, как мы считаем, несет за собой значительные экзистенциальные риски как для антропосов, так и для жизни на Земле вообще, например, атомная война или экономический коллапс [Zimmerman M.E., 2009, p. 69], что, впрочем, не исключено и при существовании на Земле одного антропоса; более того, данное положение дел, как мы считаем, неустранимо в человеческом состоянии. Однако иные человеческие субъекты представляются если не необходимым условием достижения технологической сингулярности и реализации проекта постчеловека, то, по меньшей мере, ценным для нас союзником в деле его создания и одухотворения материи вообще [Kurzweil R., 2005, p. 29].

Сегодня, как нам представляется, «культурный кокон» человечества плетется в результате деятельности различных агентов, некоторые из которых потенциально превосходят антропосов по языковым и творческим способностям [Harari Y.N., 2023]. Таким образом, возникает опасение, что развитие языковых способностей рукотворных человеческих субъектов может оказать на общество непредсказуемый с точки зрения среднего человека эффект [Harari Y.N., 2023]. Освоение рукотворными человеческими субъектами и постчеловеком языка — «операционной системы» человека, — в большей степени, чем сам антропос, грозит постепенным

смещением антропоса с управляющих позиций в обществе, замещением культуры антропосов более сложными и объемными культурами иных разумов, это также открывает пространство для различных социальных манипуляций [Harari Y.N., 2023].

Более того, Д. Хинтон отмечает, что рукотворные человеческие субъекты, в отличие от антропоса, не проходили исторический путь эволюции форм поведения и требуют для корректной работы указания целей человеком [Raczynski J., 2023]. Из этого следует опасение, сходное с таковым, выраженном в мысленном эксперименте Н. Бострома «Максимизатор скрепок» [Bostrom N., 2014, p. 123]. В нашей трактовке данное опасение можно свести к следующему: преследуя поставленные перед собой цели и устанавливая операционные подцели, рукотворный человеческий субъект может оказать негативное влияние на человечество, уничтожить его или всю вселенную в привычном для нас понимании.

Однако представленным скептикам возможно возразить с позиции С. Лема, предвосхитившего данную проблематику в работе «Сумма технологии». Говоря об обществе, Лем выставляет абсурдными страхи того, что машины могут захватить власть над людьми и стать технотиранинами, поскольку именно в нашей власти разрабатывать критерии социального гомеостаза и определять телос развития общества [Лем С., 1968, с. 150]. Так, для встраивания в общественную систему «внечеловеческих» управленцев и правителей Лем разрабатывает проект социологической кибернетики, рассматривающей вопрос о появлении и регулировании деятельности отличных от антропоса принимающих решения агентов [Лем С., 1968, с. 152–154]. Целью социологического кибернетика является создание оптимальных моделей социостаза — социального гомеостаза, — содержащих определенные наборы ограничений как для управляющего агента, так и для подвластного ему населения [Лем С., 1968], т.е. создание основы для сохранения «нормальности» общества перед лицом частичной или полной утраты контроля над его функционированием. При этом скепсис Лема относительно самой идеи установления отличных от антропоса правителей в обществе [Лем С., 1968, с. 149] мы связываем с его представлениями о

человеке как уникальном феномене. Таким образом, проект социальной кибернетики для нас имеет куда большее значение.

Однако отсутствие эволюционно обоснованных форм поведения у рукотворных человеческих субъектов ведет к отсутствию у них подобных таковым у антропоса эгоистических и властных мотивов, что обличает идею о возможности «восстания машин» или установления «техно-диктатуры» как плод неуместной антропоморфизации.

Вместе с тем мы не разделяем подобных опасений относительно постчеловека, поскольку его цели и способности к их достижению определяются его атрибутами и не опосредуются языком, т.е. в постчеловеке отсутствует риск разночтения указаний, программной ошибки или какого-либо иного нежелательного отклонения от изначальной цели, что вовсе не исключено для рукотворных человеческих субъектов.

При этом следует отметить, что уже свершившееся или только грядущее, в зависимости от трактовки, обособление от антропоса части культуры в автономные сущности не есть отрыв творческой способности от разума антропоса, а наоборот, дальнейшее развитие исторического действия информационных технологий — расширения творческой способности человечества вообще за счет замещения естественных способностей антропоса [Davis E., 2015, p. 30].

Таким образом, в связи со значительными различиями в природе, но в то же время общей исторической функцией иные человеческие субъекты с точки зрения антропоса предстают одновременно как Другой, химера и такой же человек в своей инаковости [Ferrando F., 2019, p. 113]:

1) иные человеческие субъекты как Другие представляют собой существ другого порядка, обладающих разительно отличающимися от таковых у антропоса природой, отношением к пространству-времени, способностями, типами когнитивности, языками, культурами, интересами, что может значительно ограничивать коммуникацию и взаимодействие с ними, усложнить взаимодействия вплоть до установления экзистенциального противоборства;

2) иные человеческие субъекты как химеры представляют собой существ, обладающих рядом

черт антропоса или биологической жизни вообще, частично или полностью разделяющих с ним интересы, культуру, язык и социальное пространство-время, но отличающихся от него по материалу, типу когнитивности, способностям или другим качествам, описанным выше, что дистанцирует их от антропоса как представителей чуждых, хотя и похожих на него форм жизни;

3) иные человеческие субъекты как то же самое представляют собой людей, разделяющих с антропосом историческую функцию бытия человеком и обладающих различными требующими признания, нормализации и включения в общественный «идеал человека» инаковостями.

Постчеловеческие субъекты, в свою очередь, предстают перед человечеством в качестве непознаваемого, трансцендентного Другого. Постчеловек в нашей трактовке является идеалом развития человечества и средством устранения присущих человеческому состоянию экзистенциальных рисков, в сущности, гарантом дальнейшего сохранения жизни во вселенной.

## Заключение

Настоящее исследование достигло следующих результатов:

1) были сформулированы и проанализированы функциональное, расширительное определение человеческого субъекта и определение постчеловека как носителя трансцендированного разума с опорой на техно-постгуманистический метод;

2) в качестве критерия диверсификации человеческих и постчеловеческих субъектов были предложены соответствующие значения полноты феноменального опыта и свободы от внутренней и внешней каузальности;

3) в результате анализа атрибутов и возможных взаимоотношений человеческих субъектов сделан вывод о возможности троичной трактовки таковых как Других, химер и того же самого с точки зрения антропоса; постчеловека как трансцендентного Другого;

4) человеческое состояние было связано с внутренней и внешней каузальностью, способностью порождать экзистенциальные риски для жизни и неспособностью их преодолеть, ограниченностью в культурном коконе, принципиальной возможностью полной и однозначной



передачи опыта между различными человеческими субъектами, а также духовным творчеством;

5) сделан вывод о способности постчеловека в силу приписываемых ему атрибутов преодолеть естественные и социогенные экзистенциальные риски, т.е. о космической роли такового как гаранта сохранения сознающей жизни во вселенной.

Озвучим некоторые критические замечания.

1. Отметим, что предлагаемый образ постчеловека представляет собой не столько философское обрамление для потенциального инженерного проекта, сколько социально-философский ориентир, способный выступать утопическим образом для развития человечества по направлению к уменьшению влияния внутренней и внешней каузальности в человеческом состоянии, а следовательно, и сопряженных с ним экзистенциальных рисков.

2. Нам также следует отметить спорное положение ТИИ и скепсис вокруг нее в научном сообществе [Fleming S.M. et al., 2023]. Критики теории отмечают, что система, не выполняющая полезной работы, может, согласно положениям ТИИ, считаться сознающей [Fleming S.M. et al., 2023], в чем мы не видим проблемы, поскольку обратное утверждение вычеркивает из класса сознающих существ спящих или находящихся в коме людей. Также они обвиняют теорию в «магическом» подходе на основе предположений о вероятном наличии сознания в некоторой степени у человеческих эмбрионов на ранних стадиях развития, растений и выращенных в чашках Петри культур [Fleming S.M. et al., 2023]. Возбуждающим опасения критиков оказывается и спектр социальных последствий подобного естественнонаучного разрешения трудной проблемы сознания [Fleming S.M. et al., 2023]. Также нельзя оставлять без внимания возможность обвинить ТИИ в информационном редукционизме и в невозможности рассматривать информацию в отрыве от обладания ею.

3. Перспективными направлениями для использования полученных результатов являются рецепция и переработка идей Ф. Феррандо, Р. Брайдотти, Р. Курцвейла и других значимых для постгуманистического дискурса авторов, а так же применение в других аспектах социальной философии и общественной теории,

например, для развития и переработки идей метамодернизма, в особенности осуществляемого в метамодернистских эстетике и мировоззрении снятия антитезы между искусственным и природным — т.н. «поворота к Дикому» [Заньковский А.В., 2021].

### Список литературы

- Бородай С.Ю.* Современное понимание проблемы лингвистической относительности: работы по пространственной концептуализации // Вопросы языкознания. 2013. № 4. С. 17–54.
- Заньковский А.В.* Время твердых медуз: Метамоде́рн, который мы заслужили // Metamodern. 2021. 29 мар. URL: <https://metamodernizm.ru/metamodern-which-we-deserve/> (дата обращения: 13.11.2023).
- Лем С.* Сумма технологии / пер. с пол. А.Г. Громовой и др.; ред. и послесл. Б.В. Бирюкова, Ф.В. Широкова. М.: Мир, 1968. 608 с.
- Нейрат О.* Протокольные предложения / пер. с нем. А.Л. Никифорова // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. 6, № 4. С. 226–234.
- Никитина Е.Б.* По направлению к транс-метапостгуманизму // Academia. 2018. URL: <http://www.academia.edu/36494476> (дата обращения: 25.11.2023).
- Павленко А.Н.* Радиофундаментализм // Вопросы философии. 2008. № 1. С. 29–44.
- Bostrom N.* Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. Oxford, UK: Oxford University Press, 2014. 352 p.
- Braidotti R.* Posthuman Humanities // European Educational Research Journal. 2013. Vol. 12(1). P. 1–19. DOI: <https://doi.org/10.2304/eej.2013.12.1.1>
- Davis E.* TechGnosis: myth, magic & mysticism in the age of information. Berkeley, CA: North Atlantic Books, 2015. 456 p.
- Ferrando F.* Philosophical Posthumanism. London: Bloomsbury Academic, 2019. 296 p. DOI: <https://doi.org/10.5040/9781350059511>
- Fleming S.M., Frith Ch.D., Goodale M., Lau H. et al.* The Integrated Information Theory of Consciousness as Pseudoscience / PsyArXiv. 2023. URL: <https://osf.io/preprints/psyarxiv/zsr78> (accessed: 02.01.2024). DOI: <https://doi.org/10.31234/osf.io/zsr78>
- Harari Y.N.* AI and the future of humanity: Yuval Noah Harari at the Frontiers Forum / YouTube. 2023. URL: [https://www.youtube.com/watch?v=LWiM-LuRe6w&t=0s&ab\\_channel=YuvalNoahHarari](https://www.youtube.com/watch?v=LWiM-LuRe6w&t=0s&ab_channel=YuvalNoahHarari) (accessed: 26.06.2024).

Harrison K.D. *When Languages Die: The Extinction Of The World's Languages And The Erosion Of Human Knowledge*. N.Y.: Oxford University Press, 2007. 304 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195181920.001.0001>

Kurzweil R. *The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology*. N.Y.: Viking, 2005. 672 p.

Nagel T. What is it like to be a bat? // *The Philosophical Review*. 1974. Vol. 83, no. 4. P. 435–450. DOI: <https://doi.org/10.2307/2183914>

Raczynski J. Possible End of Humanity from AI? Geoffrey Hinton at MIT Technology Review's EmTech Digital / YouTube. 2023. URL: [https://www.youtube.com/watch?v=sitHS6UDMJc&t=0s&ab\\_channel=JosephRaczynski](https://www.youtube.com/watch?v=sitHS6UDMJc&t=0s&ab_channel=JosephRaczynski) (accessed: 26.06.2024).

Ray T.S. An approach to the synthesis of life // *Artificial Life II: proceedings of the Workshop on Artificial Life (Santa Fe, NM, February 1990)* / ed. by Ch.G. Langton et al.; SFI Studies in the Sciences of Complexity. Redwood City, CA: Addison-Wesley, 1992. Vol. X. P. 371–408.

Tononi G., Koch C. Consciousness: here, there and everywhere? // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2015. Vol. 370, iss. 1668. URL: <https://royalsocietypublishing.org/doi/epdf/10.1098/rstb.2014.0167> (accessed: 02.01.2024). DOI: <https://doi.org/10.1098/rstb.2014.0167>

Zimmerman M.E. Religious Motifs in Technological Posthumanism // *Western Humanities Review*. 2009. Vol. 3. P. 67–83.

## References

Borodai, S.Yu. (2013). [Modern understanding of the problem of linguistic relativity: works on spatial conceptualization]. *Voprosy yazykoznaniiya*. No. 4, pp. 17–54.

Bostrom, N. (2014). *Superintelligence: Paths, dangers, strategies*. Oxford, UK: Oxford University Press, 352 p.

Braidotti, R. (2013). Posthuman humanities. *European Educational Research Journal*. Vol. 12(1), pp. 1–19. DOI: <https://doi.org/10.2304/eej.2013.12.1.1>

Davis, E. (2015). *TechGnosis: myth, magic & mysticism in the age of information*. Berkeley, CA: North Atlantic Books Publ., 456 p.

Ferrando, F. (2019). *Philosophical posthumanism*. London: Bloomsbury Academic Publ., 296 p. DOI: <https://doi.org/10.5040/9781350059511>

Fleming, S.M., Frith, Ch.D., Goodale, M., Lau, H. et al. (2023). *The integrated information theory of con-*

*sciousness as pseudoscience*. PsyArXiv. Available at: <https://osf.io/preprints/psyarxiv/zsr78> (accessed 02.01.2024). DOI: <https://doi.org/10.31234/osf.io/zsr78>

Harari, Y.N. (2023). *AI and the future of humanity: Yuval Noah Harari at the Frontiers Forum*. YouTube. Available at: [https://www.youtube.com/watch?v=LWiM-LuRe6w&t=0s&ab\\_channel=YuvalNoahHarari](https://www.youtube.com/watch?v=LWiM-LuRe6w&t=0s&ab_channel=YuvalNoahHarari) (accessed 26.06.2024).

Harrison, K.D. (2007). *When languages die: the extinction of the world's languages and the erosion of human knowledge*. New York: Oxford University Press, 304 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195181920.001.0001>

Kurzweil, R. (2005). *The singularity is near: When humans transcend biology*. New York: Viking Publ., 672 p.

Lem, S. (1968). *Summa tekhnologii* [Summa technologiae]. Moscow: Mir Publ., 608 p.

Nagel, T. (1974). What is it like to be a bat? *The Philosophical Review*. Vol. 83, no. 4, pp. 435–450. DOI: <https://doi.org/10.2307/2183914>

Neurath, O. (2005). [Protocol statements]. *Epistemology & Philosophy of Science*. Vol. 6, no. 4, pp. 226–234.

Nikitina, E.B. (2018). *Po napravleniyu k transmeta-postgumanizmu* [Toward trans-meta-posthumanism]. Available at: <http://www.academia.edu/36494476> (accessed 25.11.2023).

Pavlenko, A.N. (2008). [Ratiofundamentalism]. *Voprosy filosofii*. No. 1, pp. 29–44.

Raczynski, J. (2023). *Possible end of humanity from AI? Geoffrey Hinton at MIT Technology Review's EmTech Digital*. YouTube. Available at: [https://www.youtube.com/watch?v=sitHS6UDMJc&t=0s&ab\\_channel=JosephRaczynski](https://www.youtube.com/watch?v=sitHS6UDMJc&t=0s&ab_channel=JosephRaczynski) (accessed 26.06.2024).

Ray, T.S. (1991). An approach to the synthesis of life. *Artificial Life II: proceedings of the Workshop on Artificial Life (Santa Fe, NM, February 1990)*. SFI Studies in the Sciences of Complexity. Redwood City, CA: Addison-Wesley Publ., Vol. 10, pp. 371–408.

Tononi, G. and Koch, C. (2015). Consciousness: here, there and everywhere? *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. Vol. 370, iss. 1668. Available at: <https://royalsocietypublishing.org/doi/epdf/10.1098/rstb.2014.0167> (accessed 25.11.2023). DOI: <https://doi.org/10.1098/rstb.2014.0167>

Zan'kovskiy, A.V. (2021). *Vremya tverdykh meduz: Metamodern, kotoryy my zasluzhili* [The time

of solid jellyfish: The metamodern we deserve].  
March 29. Available at: <https://metamodernizm.ru/metamodern-which-we-deserve/> (accessed 13.11.2023).

Zimmerman, M.E. (2009). Religious motifs in technological posthumanism. *Western Humanities Review*. Vol. 3, pp. 67–83.

### Об авторе

**Белоусов Илья Леонидович**

студент направления «Философия»,  
кафедра социальной философии

Российский университет дружбы народов  
им. Патриса Лумумбы,  
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;  
e-mail: 1032216173@pfur.ru  
ResearcherID: KTI-6288-2024

### About the author

**Цыа L. Belousov**

Philosophy student,  
Department of Social Philosophy

Patrice Lumumba Peoples' Friendship  
University of Russia,  
6, Miklukho-Maklay st., Moscow, 117198, Russia;  
e-mail: 1032216173@pfur.ru  
ResearcherID: KTI-6288-2024